

5.2.1.

13.02.92.

+

ПЕРВЫЕ ИТОГИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Доклад Е.Т.Гайдара на заседании Правительства
Российской Федерации 13 февраля 1992 года

Уважаемый Президент, уважаемые коллеги!

Сейчас подведены первые статистические итоги нашей работы в январе, становится ясно, насколько то, что произошло реально в народном хозяйстве, соответствует нашим планам, намерениям и прогнозам, какие основные болевые точки выявились и какие корректировки мы должны внести в осуществляемую экономическую линию.

Когда мы обсуждали принципиальные подходы к формированию экономической политики в той ситуации, которая сложилась на ноябрь-декабрь, мы видели два возможных сценария развития событий после либерализации цен и предполагали возможность реализации двух альтернативных стратегий.

Одна (при негативном сценарии) представлялась нам более вероятной. Суть ее состояла в следующем. После либерализации цен, в связи с общей хронической нестабильностью денежного обращения, неуверенностью населения в будущем союзного рубля неизбежно будет происходить ускорение скорости денежного оборота. В этой связи никакие попытки сдержать рост цен при помощи имеющихся в нашем распоряжении бюджетных инструментов и стабилизировать положение не будут достаточно эффективны. Мы ставили своей задачей - минимум в январе перевести подавленную инфляцию в открытую, начать постепенную стабилизацию положения на потребительском рынке, прекратить нарастающий развал государственного бюджета, связанный с неприспособленностью налоговой системы к условиям начавшейся открытой инфляции, обеспечить рост доходов бюджета примерно теми же темпами, что темпы роста цен и расходов бюджета. На этой базе не допустить быстрого раскручивания гиперинфляционной спирали. Но все же на фоне общего недоверия к рублю, возможности введения республиканских валют в других республиках мы предполагали, что в этом случае нам не надо будет связывать будущее собственной стабилизационной программы и антиинфляционной политики с нынешней денежной единицей. То есть слабость рубля, продолжающийся разгон инфляции, введение республиками своих валют должны были заставить нас, Россию, в качестве контрмеры предпринять шаги, направленные на осуществление денежной реформы, введение собственной республиканской валюты. И мы предполагали, что

где-то к июлю-августу мы создадим предпосылки для этого, будем вынуждены это сделать, и тогда рассчитывали совместить наши усилия по стабилизации с введением новой республиканской валюты и сбросом части избыточной денежной массы.

Это был, скажем так, пессимистичный сценарий, который мы считали наиболее вероятным.

По итогам января можно сказать, что ситуация в сфере финансов и денежного обращения развивается в целом лучше, чем мы предполагали по этому сценарию, и она позволяет нам выйти на другой, более оптимистичный сценарий развития событий.

После резкого скачка цен в первую неделю января, когда в течение недели был ликвидирован денежный "навес", темпы роста цен снизились, а в последнюю неделю января - начале февраля уровень цен на потребительском рынке фактически снизился. В целом за январь при росте средних цен покупок по сравнению со средней ценой покупок декабря в три с половиной раза по потребительским товарам и примерно в пять раз, точнее - 498 процентов, по производственно-техническим товарам не произошло бегства населения от денег. Вклады в сберкассах вместо того, чтобы резко сокращаться в связи с ожидаемым населением обесцениванием денег, продолжали, хотя и медленно, но расти, увеличившись более, чем на 8 миллиардов рублей. То есть население больше не имеет высоких инфляционных ожиданий.

Это позволяет нам рассчитывать на реализацию более оптимистического сценария. Суть дела в следующем. Россия не берет курс на введение собственной валюты, потому что доверие к рублю оказалось подорвано отнюдь не так сильно, как нас пугали, инфляционные ожидания не являются чрезмерными. Поэтому мы берем курс на ~~национализацию~~ "россификацию" рубля, на поддержку нынешней денежной единицы, на ее всемерное укрепление и стабилизацию. То есть мы сейчас можем начать решать тот комплекс задач, который мы считали возможным решать при пессимистическом сценарии, только с середины года, с тем чтобы без денежной реформы, без очень неприятных процедур, связанных с введением национальной собственной валюты, с неизбежно вызываемыми этим перебоями денежного обращения и всей системы материальных потоков, стабилизировать положение.

Где здесь наиболее тяжелые, критические точки? Это, в первую очередь, конечно, ситуация, складывающаяся в оптовом обороте и в сфере безналичной денежной эмиссии, в сфере кредитования. Сейчас у нас очень быстро уперлись в барьер платежеспособного спроса цены на потребительские товары, потому что объем денежной массы здесь в достаточной степени фиксирован, и реакция производителей, связанная с сокращением ценовых претензий и общим снижением темпов роста цен, абсолютным снижением цен проявилась в течение первых двух недель.

Дальше пошла естественная волна финансовых трудностей по отраслям, связанным с конечным потреблением населения. Если в первую неделю доминирующей жалобой была жалоба на высокие темпы роста цен, на сохраняющийся дефицит, потом на очень высокие цены, потом на трудности в реализации продукции потребительского назначения, то сейчас доминирующим мотивом стали жалобы на трудности в реализации продукции производственно-технического назначения, особенно тех видов, которые непосредственно связаны с производством товаров народного потребления. Это, в первую очередь, сельскохозяйственная техника.

Уже столкнувшись с барьером платежеспособного спроса, колхозы, совхозы по предлагаемым ценам сельскохозяйственную технику не покупают. Сейчас уже видны серьезные трудности со спросом и уровнем цен в инвестиционном машиностроении и буквально в последние дни начали проявляться проблемы даже с реализацией такого критического для нас вида продукции, как металл, по крайней мере поставляемого с Украины, где цена на металл значительно выше.

Это значит, что мы сейчас идем по воспроизводственной цепочке от конечного потребления населения к производству сырьевых ресурсов, на каждом этапе сталкивая производителя с барьером платежеспособного спроса, который не позволяет ему дальше реализовывать собственные ценовые претензии, заставляет либо сокращать производство, возможности чего ограничены, либо снижать свои ценовые претензии, соответственно уровень запросов, предъявленных в целом.

В принципе это очень позитивный момент и он, конечно, проявляется сейчас в резко возросшем спросе на деньги, на наши отечественные деньги. Наиболее наглядным свидетельством этого является довольно устойчивое за последние дни падение курса доллара как на наличном, так и на безналичном валютных рынках.

И это при том, что государство пока не смогло выбросить на валютный рынок буквально ничего. Это исключительно влияние роста спроса на деньги. Мы надеемся, что сможем начать реализовывать активную политику со следующей недели, тенденция к росту курса рубля приобретет устойчивый характер.

Уже сейчас видно резкое увеличение спроса на отечественные деньги в других республиках - в Прибалтике и на Украине, что проявилось в резком падении цены купона на свободном рынке.

Главная угроза для такого крайне нужного нам развития событий - это ситуация в безналичном обороте и огромное давление, которое сейчас будет оказано на Центральный банк в первую очередь с тем, чтобы резко увеличить объем кредитования.

Предприятия, которые до сих пор никогда не думали о том, платежеспособен ли, собственно говоря, потребитель и есть ли у него деньги, а думали только в бартерных категориях, что он сможет предложить на обмен по бартеру, сколько

"Жигулей", сколько мест в доме отдыха, сейчас столкнулись с тем, что потребители не выполняют обязательства по платежам, образуется цепочка неплатежей, возникают трудности с выплатой заработной платы уже не из-за наличности (кризис наличности в основном, кажется, мы преодолели), а из-за того, что на счетах нет денег. Предприятия, вовлекшие оборотные средства в выплату заработной платы, сталкиваются сейчас с тем, что нечем платить.

Отсюда естественное давление на то, чтобы банк пришел на помощь промышленности, сельскому хозяйству и резко увеличил кредитования. Давление такое идет и в Верховном Совете, и от наших собственных министерств и ведомств. Однако теперь у нас с Центральным банком полное взаимопонимание в этой области. Мы твердо придерживаемся тех основных принципов, которые выработаны. Центральный банк старается проводить политику максимального сдерживания кредитной экспансии. Если только он отпустит этот рычаг, то моментально эти ценовые претензии производителей реализуются в предельно высоких ценах, в предельно высоких доходах, мы моментально столкнемся с резким ростом заработной платы. Я напоминаю, что заработную плату мы сегодня ничем не держим. У нас нет административных регуляторов, у нас нет специальных налогов на рост заработной платы, мы держим исключительно общими ограничениями денежной массы. И сейчас любой дополнительный массовый вброс денег в безналичный оборот через месяц обернется развалом того, чего мы добились на потребительском рынке за последние несколько недель.

Разумеется, здесь надо занимать позицию жесткую, жесткую, но не твердолобую.

Есть сферы, по которым мы вынуждены будем пойти на специальные решения в кредитной области. Мы с Центральным банком такие сферы примерно обговорили. На наш взгляд, это в первую очередь поддержка фермерского хозяйства за счет сырьевых кредитов, это сырьевые кредиты селу для проведения сева - только на закупку горючего и только под четкие обязательства, в первую очередь, под векселя. А также кредиты на поддержку наших конверсируемых предприятий. Вот те основные сферы, где мы можем пойти на создание специальных кредитных линий, для расшивки наиболее болезненных, наиболее узких мест, в целом при этом оставаясь в рамках ориентиров макроэкономической политики.

Сейчас следующий принципиальный для нас момент - это переход от режима выживания к последовательной стабилизации положения в народном хозяйстве. Естественно, надо четко отдавать себе отчет, что все будет происходить в ближайшее время на фоне падения производства.

Падение производства в целом по январю по сравнению с декабрем составило 5 процентов. Это вполне ожидаемая величина и она будет еще увеличиваться, в первую очередь, за счет того, что в ряду факторов, обуславливающих падение

производства в прошлом году (в первую очередь, падение импорта продукции производственно-технического назначения) сейчас добавились спросовые ограничители - резкое падение производства военной продукции в связи с отсутствием финансирования и резкое падение производства продукции тяжелого машиностроения в связи с отсутствием средств у заказчиков и отсутствием платежеспособного спроса.

Предельно важно, чтобы это падение было ограниченным и быстро приостановленным, хотя бы в ключевых отраслях экономики. Здесь особенно опасным является продолжающееся падение добычи нефти, оно составило 15 процентов к январю прошлого года. Ситуация по углю в целом по январю стабилизировалась, положение было чуть лучше, чем в декабре. Особенно же тяжелое положение в металлургии. Сейчас металлургия с ее примерно на 30 процентов сократившимся объемом выпуска стала ключевым звеном в сфере материального производства. Если мы остановим падение в металлургии, на основе привлечения дополнительных ресурсов стабилизируем положение с коксом и металлоломом, начнем хотя бы медленное увеличение выпуска, мы на этой основе можем резко стабилизировать положение по всему кругу отраслей-потребителей металла и одновременно снять те рецидивы бартерной экономики, которые еще есть в материальной сфере.

Здесь мы сознательно пошли на выделение всех возможных ресурсов для расшивки проблемы с коксом, потому что считаем, что наиболее уязвимая точка здесь.

Вторая предельно уязвимая точка - это нефть. Здесь главная проблема, естественно, валюта, банкротство Внешэкономбанка, в рамках которого оказалась погребена и часть средств, специально выделенных нефтяникам на закупку оборудования. В результате они не смогли своевременно закупить абсолютно необходимый им технологически для продолжения производственного процесса материал и оборудование. Сейчас мы договорились, что в первую очередь мы направляем получаемые инвестиционные кредиты на самые узкие места, обеспечивающие производственные процессы, главное - в нефть.

Я не буду здесь останавливаться на конкретных проблемах с финансированием, которые, естественно, сейчас существуют во всех отраслях и у всех отраслевых министров. Они абсолютно очевидны и естественны, я думаю, что в какой-то степени они будут легче разрешимы после того, как наши бюджетные калькуляции приобретут реальную основу - т.е. через месяц-полтора, если мы не сорвемся в инфляционную спираль.

Если говорить о стратегии, то главное это, наверное, разработка совместной программы с Международным валютным фондом. Потому что именно с этим связаны возможности радикальной стабилизации положения, широкомасштабного

открытия нашей экономики, крупномасштабного привлечения иностранных инвестиций.

Несмотря на все наше заверения никто из иностранных крупных инвесторов с крупными деньгами не придет до тех пор, пока на всем, что мы делаем, не будет стоять печать, что это одобрено Международным валютным фондом, и что за этим стоят финансовые ресурсы мирового сообщества.

Сейчас такая работа вместе с Международным валютным фондом ведется. Ее продолжение требует от нас определиться по нескольким существенным и сложным политическим вопросам. Первый из них, это необходимость дальнейшего размораживания цен. Международный валютный фонд, на наш взгляд, совершенно справедливо требует завершения работы по размораживанию цен, с тем, чтобы регулируемые цены в производственном секторе охватывали исключительно тарифы на электроэнергию, на услуги связи, на железнодорожные перевозки. То есть, короче говоря, они ставят вопрос об ликвидации регулирования цен на молоко, сахар, подсолнечное масло, хлеб, водку.

В производственной сфере они ставят вопрос о необходимости отказаться от государственного регулирования цен на топливно-энергетические товары. И о необходимости резко повысить их уровень, ну, по крайней мере, до уровня не менее 2 тысяч 500 рублей за тонну нефти.

Они одновременно ставят вопрос о возможности введения специального нефтяного налога, с тем, чтобы часть этих доходов перераспределить в пользу бюджета, таким образом частично улучшить финансовое положение, и разгрузив другие источники бюджетных доходов, возможно снизить несколько уровень налогообложения.

Следующий вопрос, который ставится, это необходимость резкого свертывания всей системы административного регулирования экспорта, отказа от системы квотирования и лицензирования. Это абсолютно правомерная постановка вопроса. То, что мы квотировали, лицензировали продукцию до элементарных предпосылок стабилизации, было абсолютно правильно. Мы только так как-то удерживали положение. Но то, что стратегически со второго полугодия этого года надо резко свертывать всю сферу квотирования и лицензирования, это также абсолютно очевидно. При нынешнем ее развитии никакие иностранные инвесторы к нам не придут, да и вообще никакого скачка экспорта быть не может.

Естественно ставится вопрос о сохранении жесткой бюджетной политики и ликвидации бюджетного дефицита в 1993 году, о сохранении жесткой денежной политики, о повышении ставки ссудного процента. Я думаю, что здесь нам пока суетиться не надо, нам не нужно идти дальше, пока мы не определились с темпами текущей инфляции.

И, наконец, ставится вопрос, по которому, я думаю, что мы должны будем пока не соглашаться на то, что предлагает Международный валютный фонд. Это вопрос о введении специального налога на прирост заработной платы в государственном секторе, типа использовавшегося в свое время в Польше.

Понятно естественное сомнение Международного валютного фонда по этому поводу, может быть нам придется воспользоваться этим рычагом. Но, я думаю, что, учитывая то, что его результативность сейчас, по крайней мере, неочевидна, учитывая, в какой степени мы политически связали себя с размораживанием зарплат, я бы считал пока принятие этого предложения Международного валютного фонда неоправданным.

Мне кажется, что то, что предлагает Международный валютный фонд в целом - я сейчас не останавливаюсь тут на естественных вещах, связанных с приватизацией, с аграрной реформой и т.д., которые мы будем обсуждать специально - но по стратегии то, что предлагает Международный валютный фонд, это основа для радикальной стабилизации экономики и ее открытия со второй половины года, основа следующего этапа реформы, под которую мировое сообщество готово предоставить крупные кредиты на поддержку платежного баланса и для стабилизационного фонда.

Наиболее болезненное решение, которое придется в этой связи принять, это, естественно, размораживание или повышение цен на энергоносители. Даже сейчас, в условиях сформировавшихся спросовых ограничителей, это будет означать примерно 50-процентное увеличение сложившегося уровня потребительских цен и существенное усугубление тех трудностей, с которыми сталкиваются энергоемкие потребители.

Но мне кажется, что другого пути у нас нет. Сложившиеся сегодня пропорции в ценах на энергоносители абсурдны. У нас соотношение цены, скажем мяса и нефти, всегда бывшее существенно отличным в пользу мяса от цен мирового уровня, сейчас стало просто смешным - 3,5 килограмма мяса за одну тонну нефти. Мы даем постоянно ложные сигналы нашим производителям, которые ориентируют все их решения на нерациональное экономическое поведение. Поэтому я убежден, что нам на этот шаг придется идти. Думаю, что лучше, если мы будем готовиться к нему постепенно, и начнем либерализацию цен по этапам дальше, чтобы это не было шоком немедленным.